

Каутский Карл

Происхождение христианства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл К.**
Происхождение христианства / Каутский Карл – М.: Книга по Требованию, 2024. – 474 с.

ISBN 978-5-519-88677-2

ISBN 978-5-519-88677-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рушить этот божественный миф... божественность Иисуса Христа, по крайней мере среди «просвещенных и образованных» людей, отрицается... Затем Каутский ссылается на английского историка Эдуарда Гиббона, указавшего, «с тонкой иронией, на поразительное явление, что ни один из современников Христа не упоминает о нем, хотя он, повидимому, совершил так много замечательного», причем цитирует места из сочинения названного историка, в которых он отрицает бесчисленные чудеса, которыми поддерживалось учение Христа. По этому поводу Каутский высказывается: «Но если мы даже оставим в стороне все чудеса, то все-таки трудно понять, как такая личность, как евангелический Иисус, вызвавший, если верить евангелиям, такое возбуждение в умах, мог действовать и даже умереть мученической смертью за свое дело без того, чтобы его языческие и иудейские современники упомянули о нем хотя бы единым словом». Далее Каутский приводит свидетельство Иосифа Флавия о Христе как о мудром муже, «если его только можно назвать человеком, ибо он был чудотворец, учитель людей, радостно воспринимавших возвещаемую им истину»; и «в виду этого свидетельства иудея и фарисея, который родился в 37 году нашего летосчисления и жил в Иерусалиме, следовательно мог иметь вполне достоверные сведения об Иисусе», Каутский утверждает, «что именно это чрезмерное почтение к Христу со стороны набожного иудея давно возбуждало подозрение в подлинности указанного места и что оно вызвало уже в XVI столетии сомнения, а теперь установлено, что оно представляет подделку и не принадлежит Иосифу Флавию... И, таким образом, раскрытие этой подделки превратилось в свидетельство против Христа». Далее Каутский приводит комментарии к евангелию от Матфея Оригена, жившего между вторым и третьим столетиями после Р. Х., о том, что Иосиф Флавий, говоря о Иакове, не считает Иисуса Христом, из чего Каутский выводит заключение, что «в первоначальном тексте сочинения Флавия то важное место, где он признает Иисуса Христом, мессией, отсутствовало... что и место об Иакове также является христианской вставкой». Затем Каутский, распространяясь о фальсификации, вставлении мест в письменных документах набожными христианами и допуская, что «существовал Иисус, которого называли Христом, т. е. мессией», по этому поводу говорит: «Во время Флавия, вплоть до конца второго столетия, было так много лже-мессий, что о них сохранились только суммарные известия. Так, мы знаем Иуду Галилейского, Теудау, какого-то безымянного египтянина, самаритянина, Вар-Кохбу — почему среди них и не быть Иисусу? Ведь среди евреев это было очень распространенное имя». В заключении первой главы

Каутский ссылается на «Летописи» римского историка Тацита, составленные около 100 года после Р. Х., относительно бывшего при Нероне пожара Рима, в котором обвиняли христиан и за который «был казнен родоначальник этого имени Христос», а между тем «Тацит не упоминает даже его имени (Иисуса). О деятельности Христа и содержании его учения Тацит не говорит ни одного слова» (стр. 27 — 32).

«Глава вторая, «Христианские источники», посвящена Каутским вопросам об искажении сказаний о Христе, о вставках в исторических источниках, причем он говорит, между прочим: «Установлено, наконец, также и то, что ни одно из евангелий или других ранних христианских сочинений не принадлежит современникам Христа... Все, что Марк рассказывает, представляет поэтому продукт полувекowego легендарного творчества... где евангелисты не сообщают ни о каких чудесах, они часто приводят неточные сведения... все, что таким путем составлено было как «евангелие», позже подверглось еще многочисленным переделкам в руках различных редакторов и переписчиков. Пфлейдерер, как и многие другие, приходит, после подробного исследования, к заключению, что евангелие от Луки ничего не рассказывает о сверхъестественном рождении Иисуса, что этот рассказ возник только позже и внесен был в текст путем вставки стихов» и т. д. Затем Каутский ссылается на то, что «в первых десятилетиях XIX столетия многие исследователи признали полную непригодность евангелий как исторических источников, а Бруно Бауэр зашел так далеко, что совершенно отрицал историческое существование Иисуса», и задается вопросом о том, «что остается от христианства, если мы отказываемся от личности Христа». Отвечая на это, Каутский говорит: «Но чтобы сохранить последнюю, т. е. личность Христа, они (теологи) прибегают к самым странным толкованиям», и приводит толкование Гарнака в положительном, а Пфлейдерера в отрицательном смысле и, признавая, с своей стороны, евангелия не соответствующими действительности, переходит к опровержению изречений Иисуса, находя, что они не принадлежат ему, а были известны еще до него. «Например, — говорит Каутский, — «Отче наш» считается специфическим сочинением Иисуса, но Пфлейдерер указывает, что арабийская очень старая молитва «Каддиш» кончалась словами: «Да святится и славится великое имя твое при жизни нашей и жизни всего дома Израиля». Мы видим, таким образом, что начало христианского «Отче наш» представляет заимствование. Но если трудно признать историческую достоверность речей Иисуса, если приходится отказаться от истории его юности, от его чудес, то что, собственно, останется от евангелий?» Не согла-

шаясь, далее, с мнением Гарнака о том, что «остается картина впечатления, которое Иисус произвел на своих учеников, и история его мученичества», Каутский говорит: «Но евангелия составлены не учениками Христа; они отражают не впечатление личности, а впечатление, которое производил рассказ о личности Христа на членов христианской общины. Историческую истину этого рассказа не может доказать даже самое сильное впечатление. Ведь и рассказ о выдуманной личности может произвести в данном обществе самое глубокое впечатление, если имеются налицо необходимые для этого исторические условия. Гетевский Вертер произвел сильнейшее впечатление, хотя все знали, что речь идет о романе. И все-таки он вызвал многочисленных подражателей и учеников. Именно у иудеев в течение последних столетий до и после Р. Х. выдуманные личности оказывали огромное влияние, если приписываемые им слова и деяния соответствовали сильным потребностям в еврейском народе»... Затем Каутский считает «смелой выдумкой» всю книгу пророка Даниила, произведшую колоссальное впечатление в духе чаяний мессии, веры в грядущего спасителя, и находит невозможным, за переплетением чудесами истории мученичества Христа до воскресения и вознесения, с какой-нибудь определенностью извлечь из нее историческое зерно, а также признает искусственную подделку во втором послании Павла к фессалоникийцам. Следующими словами Каутский оканчивает вторую главу первого отдела своей книги: «Итак, мы видим, что нет ни одного вывода, который мы могли бы считать вполне достоверным результатом христианской литературы относительно Иисуса» (стр. 33 — 41).

«В главе третьей, «Борьба за образ Христа», из всех известных ранней христианской литературы, из которых можно извлечь историческое зерно, Каутский находит только то, что сообщает Тацит о том, что в царствование Тиберия был казнен пророк, от которого ведет свое происхождение секта христиан. Но о том, что делал и чему учил этот пророк, нельзя сказать ничего определенного, как ничего не сообщил об этом Иосиф Флавий, повествующий о самых незначительных событиях. Хотя, по заверению Каутского, значение Иисуса не росло вместе с ростом «секты», но набожные христиане вплетали в легендарный венец все, что, по их мнению, эта идеальная личность сделала и сказала, приписывали ей дорогие для них идеи, чтобы потом сослаться на ее авторитет. «Таким путем образ Христа все больше и больше превращался в сверхчеловеческую личность, становился вместилищем всех идеалов, развиваемых новой сектой, но вместе с тем он превращался все больше в полный противоречий образ, отдельные черты которого не гармонировали друг с другом». Далее Каутский

объясняет происхождение понятия о божественности Христа-спасителя духовною потребностью того времени найти в нем свой идеал и считает созданную таким путем «религию не как продукт отдельного сверхчеловека, а как продукт общественного развития», социальных условий и т. п. (стр. 42 — 47).

«В отделе втором, «Общественный строй в эпоху Римской империи», Каутский приводит ряд исторических сведений о социальном и политическом положении народов, населявших эту империю, и говорит о приписываемой себе римскими императорами «божественности» и вынужденном отсюда «богопочитании», «сервилизме», «легковерии» и творимых цезарями чудесах, присвоенных затем Иисусу. Каутский упоминает о чудесном насыщении пяти тысяч, которое «должно было бороться с маловерием даже учеников Иисуса. Многочисленные чудеса, — говорит он, — творят также и апостолы и ученики Иисуса. Люди были тогда так легковерны, что христиане не сомневались в истинности чудес, творимых людьми, которых они считали шарлатанами. Они только приписывали эти чудеса дьяволу и злым силам». Далее Каутский распространяется о различных чудесах, о вознесении на небо, воскресении мертвых и утверждает, что, за неимением фактических документов, христиане прибегали к списыванию книг, подделывали какое-нибудь место или выпускали, если оно не нравилось, и вставляли новое. Описав затем упадок римского общества во всех отношениях и областях, Каутский говорит: «Вот картина, которую представляет нам Рим времен империи и черты которой отражает христианство, продукт того времени». Далее Каутский касается вопроса о «религиозности», о влиянии различных верований на христианство и говорит, что «история рождения Христа, как мы ее находим у Луки, носит на себе буддистские черты», и приводит по Пфлейдереру из буддистских саг сказание о детстве индийского спасителя Гаутама Будды (жившего в пятом столетии до Р. Х.). «Он также был рожден чудесным образом королевой Майей, в непорочное тело которой вошла небесная сущность Будды... совершенно, как у Луки» (стр. 124, 125, 130, 131, 132, 139, 141, 166).

«В отделе четвертом, «Раннее христианство», в главе второй, «Родословная Иисуса», Каутский говорит о стремлении христиан возвысить мессию, о фактическом образовании троицы бога. «Бог родил еще одного бога, и все же существует только один бог... исходящая от божества производительная сила была отделена от него как особый святой дух. Пред такой задачей должны были остановиться самая изощренная фантазия и самая ловкая казуистика. Троичность бога стала поэтому догматом, в который можно верить, но который нельзя постичь умом». Далее Каутский подробно распростра-

няется о легендарности этого важнейшего догмата христианской веры, объясняет его происхождение обилием в эпоху Христа пророков и атаманов банд, выдававших себя за мессию и помазанника божия, и что с гибелью, во время борьбы с римским могуществом, оканчивалась их мессианская миссия. Распятие же и воскресение Христа Каутский объясняет «экстатическим видением, галлюцинаций, легковерием в тогдашнюю эпоху» (стр. 329 — 332). В главе четвертой «История страданий Христа», Каутский касается вопроса о рождении и смерти Христа и говорит, что «рассказы заключают сведения, не совсем удобные для христианства, которые, наверное, не были вымышлены»... (при этом он считает противоречиями и несообразностями все, что говорится в евангелиях о страданиях и смерти Христа), и что вся эта история не выдерживает серьезной критики, и величие, приписываемое в этом случае Христу, считает смешным и бессмысленным (стр. 351 — 352)».

В указанных местах Комитет усмотрел «явную и крайне дерзкую хулу и поношение на бога, Христа-спасителя, святую троицу, пресвятую богородицу и на св. апостолов и на все священные предметы христианского верования, а в поспешном издании единственного перевода на русском языке названной книги, только что написанной ее автором (в сентябре текущего года), еще до появления ее в оригинале на немецком языке — цель поспешного распространения приводимых в ней кощунственных идей среди русского православного народа, т. е. все признаки преступления, предусмотренного ст. 73 Уголовного уложения, изд. 1903 г.».

С тех пор прошло почти пятнадцать лет, но не только в русской, а даже в иностранной литературе нет другой работы, которая могла бы заменить книгу Каутского, поскольку речь идет об исследовании социальной подпочвы христианства. И это несмотря на то, что она, уже при самом появлении своем, в некоторых своих частях, особенно в тех отделах, которые касались античного мира, отставала от современного уровня научных знаний.

Выбранное мною для первого русского издания название — «Античный мир, иудейство и христианство» — было неудачно именно потому, что оно вызвало у читателя ряд вопросов, связанных с христианством как особенной религиозной системой, — вопросы о *развитии и распространении* христианства, о связи его с восточными религиями и эллинистическо-римской культурой и т. д. Все эти вопросы у Каутского остались только намеченными, не говоря уже о том, что, как и в первой своей работе, «Возникновение христианства»,

написанной им в 1885 году, он главным образом опирался на старые труды Бруно Бауэра.

К сожалению, и до сих пор не переведена еще на русский язык прекрасная работа П. Вендланда, первое издание которой вышло почти одновременно с книгой Каутского, а второе, значительно переработанное, в 1912 году. (Автор умер в 1915 г.)¹ В первой части своего труда Вендланд исследует отношения иудейства и христианства к эллинистическо-римской культуре, излагая при этом попутно результаты многочисленных работ своих предшественников. По своей специальности автор — историк и филолог, свободный от богословских оков, далекий, правда, от марксизма, но усвоивший себе лучшие стороны «культурно-исторического» метода. Во второй части своего труда он рассматривает все памятники христианской литературы, как канонической, так и отреченной, и опять-таки дает исчерпывающее резюме необозримой литературы по этому предмету.

После революции 1917 года папа университетская наука и литература получила возможность трактовать вопрос о христианстве совершенно свободно. Но пока в этой области сделано еще очень мало. Если не считать книжки Р. Виппера о «Возникновении христианства» и двух книжек С. Жебелева («Евангелия канонические и апокрифические», «Апостол Павел и его послания»), представляющих первые попытки изложить достижения историко-филологической науки в области истории христианской словесности, то у нас не имеется ничего, кроме агитационно-пропагандистской литературы, направленной свои удары против всяких религиозных предрассудков, и христоборческой литературы, которая несравненно больше интересуется Христом и христианством как объектом для нападения, чем как предметом исторического исследования.

Вот почему книга Каутского, несмотря на все ее пробелы, сохраняет и до сих пор свое значение как лучшая работа по истории христианства с точки зрения материалистического понимания истории.

Для этого издания перевод был опять просмотрен и сверен с оригиналом. Восстановлены все цензурные пропуски. Глава о «христианстве и социал-демократии», выпущенная в первом издании, нашлась в гранках и перепечатывается с необходимыми вставками.

Кроме того, сделаны следующие дополнения. Во-первых, дан перевод статьи Каутского об «Иисусе-бунтаре», которая представляет развитие его мыслей о бунтарстве Иисуса, на-

¹ Die hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zum Judentum und Christentum. Die urchristliche Literaturformen. Tübingen, 1912.

меченных в четвертом разделе. («Neue Zeit», XXVIII, 1, октябрь, 1909 г.).

Во-вторых, перевод его статьи «Новейшее жизнеописание Христа» («Neue Zeit», XXIX, 1, октябрь, 1910 г.), направленной против Мауренбрехера, тогда социал-демократа, теперь — заядлого реакционера. В особой работе, «Библийские истории, материалы для исторического понимания религии»,¹ Мауренбрехер сделал попытку нового рационального изложения библейской истории, чтобы дополнить и исправить «одностороннее» изложение Каутского. Аналогичный опыт рационализированного жизнеописания Христа и истории раннего христианства мы находим в книге Н. Никольского «Иисус и первые христианские общины» (Москва, 1918).

Каутский в своем ответе касается работы Мауренбрехера лишь постольку, поскольку речь идет о Христе. Критику взглядов Мауренбрехера на историю Ветхого завета и развитие иудейской религии можно найти в одной из лучших работ Кунова, «Теологическая или этнологическая история религии?» Подробное изложение ее дал И. Степанов в книжке «Происхождение нашего бога» (по Г. Кунову).

Д. Рязанов.

Москва, май 1923 г.

¹ «Biblische Geschichten, Beiträge zum geschichtlichen Verständnis der Religion». Berlin, 1910.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Для многих русских читателей заявление Каутского, что в предлагаемой работе он идет по следам Бруно Бауэра, покажется совершенно неожиданным. Мы считаем поэтому необходимым предпослать и с своей стороны несколько слов русскому переводу.

История начала христианства имеет уже сама очень длинную историю. Непрерывная борьба различных направлений в среде самого христианства заставляла представителей различных течений обращаться за аргументами к истории. Такая борьба начинается уже в первые века христианства, она продолжается в ересь и сектах средних веков, но только реформация ставит определенно вопрос: что было раньше, церковь или христианство, лежит ли центр тяжести в учреждениях или догматах? И борьба между католицизмом и протестантизмом, зачастую против воли ее участников, выдвигает целый ряд вопросов, интересных для определения характера раннего христианства, она же ставит на очередь вопрос об отношении Нового завета к Ветхому, а вместе с этим и вопрос об их сравнительном значении, об их исторической достоверности.

Хотя уже Спиноза в своем «Теолого-политическом трактате»¹ указал целый ряд противоречий в Пятикнижии и пришел к выводу, что авторство Моисея подлежит большому сомнению, все же научное исследование первоначального христианства начинается, в сущности, со второй половины XVII столетия. Правда, научные результаты борьбы, которую вели с церковью деизм и просвещение, были очень скудные. Просветители сорвали только покров неприкосновенности с предмета, который до того времени был исключительной монополией теологов. Их смелые инвективы против «основателя» христианства оставляли совершенно открытым вопрос, каким образом могло оно приобрести такое всемирно-историческое значение, если оно было только продуктом религиозной софистики.

¹ Русский перевод напечатан в «Ученых записках Казанского университета».

Отрицание христианства не могло заменить его *объяснения*.

Не более удачными были и попытки немецких просветителей и рационалистов. И они нисколько не сомневались, что христианство имеет своего основателя, из головы которого оно явилось вполне готовым, что этим основателем является определенная историческая личность, существование которой подтверждается документами. Оставалось только удалить из последних все исторически недостоверное, т. е. все чудеса, а это достигалось путем рационализирования иррационального.

Философия Гегеля дала могучий толчок и в этом направлении: показав всю несостоятельность теологического рационализма, она выдвинула на первый план необходимость изучения диалектического процесса, путем которого развиваются все исторические явления. Уже тюбингенская школа, с Бауэром во главе, конструировала христианство как исторический продукт борьбы различных направлений в старом иудействе, иудео-христиан и христиан-язычников, и, с точки зрения борьбы этих двух основных тенденций, анализировала историческую достоверность и хронологическую последовательность евангелий и апостольских посланий. Еще более решительный шаг в этом направлении сделан был Ф. Штраусом. В «Жизни Иисуса» он развил свою знаменитую мифологическую теорию, для которой четвероевангелие представляет продукт мифотворчества первых христиан. Личность основателя целиком растворялась в философской абстракции. Но Штраус совершенно не замечает зависимости, в которой христианство находилось от общественных отношений своего времени; христианство продолжает оставаться для него религией, возникшей на иудейской почве и в готовом виде распространявшейся по всему греко-римскому миру.

Совершенно иначе поставлен был вопрос Бруно Бауэром. Он первый показал, что христианство не было навязано античному миру, а напротив — в той его форме, которую оно приняло как мировая религия — являлось непосредственным продуктом и завершением развития греко-римской культуры. Он проследил все элементы, воспринятые христианством из греческой философии — платонизма и стоицизма, — как она была переработана Сенекой в Риме и Филоном в Александрии; он указал на ту благоприятную почву, которую представляли социальные и политические условия Рима в эпоху цезарей для укрепления и распространения христианства; он ярко подчеркнул тесную и неразрывную связь между христианством и «кесарианством». Таким образом, вопрос о том, кто является основателем христианства, заменен был вопросом о том, как возникло христианство, в какой